

CHRONICLE
Events in world science
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ
Обзор конференции

Научная статья

Филологические науки

УДК 94(063)(540+5)

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2025-8-2-340-353>

**XIV Ежегодная международная конференция
«Рериховские чтения». «Древняя и средневековая
Индия и Центральная Азия. История. Филология.
Культура»**

Елена Валерьевна Тюлина

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,

tyulina57@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1758-8990>

Аннотация. Данная статья представляет собой обзор ежегодной конференции «Рериховские чтения», в которой традиционно участвуют те ученые, чьи работы тематически, территориально и хронологически соответствуют научным интересам Ю. Н. Рериха. Это прежде всего индология, тибетология, религиоведение, история культуры, что нашло отражение в названии чтений: «Древняя и средневековая Индия и Центральная Азия. История. Филология. Культура». Как и в прежние годы, на чтениях в основном выступали исследователи древних и средневековых текстов: эпоса, литературных и философских произведений, индийских трактатов по грамматике, теории поэзии и изобразительного искусства, правовых текстов. Темы ряда докладов были связаны с исследованием произведений изобразительного искусства и архитектуры Индии и Тибета. Работу конференции завершили ученые, занимающиеся изучением архивных материалов и научной деятельности Ю. Н. Рериха.

Ключевые слова: тибетология, индология, перевод и интерпретация текстов, Ю. Н. Рерих

Для цитирования: Тюлина Е. В. XIV Ежегодная международная конференция «Рериховские чтения». «Древняя и средневековая Индия и Центральная Азия. История. Филология. Культура». *Ориенталистика*. 2025;8(2):340–353. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2025-8-2-340-353>.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

CHRONICLE

Tyulina E. V. LXIV George Roerich Annual International Meeting
Orientalistica. 2025;8(2):340–353

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2025-8-2-340-353>

LXIV George Roerich Annual International Meeting (Ancient and Medieval India and Central Asia. History. Philology. Culture)

Elena V. Tyulina

*Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
tyulina57@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1758-8990>.*

Abstract. The article provides a review of the George Roerich Annual International Meeting, which is attended by the scholars whose work is thematically, geographically, and chronologically related to the research interests of George Roerich (russ.: Yurii Nikolaevich Rerikh). These interests are primarily comprise the Indian studies, the Tibetan studies, religious studies, and cultural history. This is also reflected in the conference's title: "Ancient and Medieval India and Central Asia: History. Philology. Culture". Similarly to the previous years, the conference were mainly attended by the scholars who work on ancient and medieval texts, such as epics, literature and philosophy, Indian treatises on grammar, theory of poetry and fine arts, legal texts. The topics of several papers were related to the study of fine arts and architecture in India and Tibet. In conclusion, there were talks given by the scholars who works on archival materials, which reflect the life and scholarly output of George Roerich.

Keywords: Tibetology, Indology, translation and interpretation of texts, Yu. N. Roerich

For citation: Tyulina E. V. LXIV George Roerich Annual International Meeting (Ancient and Medieval India and Central Asia. History. Philology. Culture). *Orientalistica*. 2025;8(2):340–353. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2025-8-2-340-353>.

9–11 декабря 2024 г. в Институте востоковедения РАН состоялись LXIV Рериховские чтения «Древняя и средневековая Индия и Центральная Азия. История. Филология. Культура». Конференцию открыла В. В. Вертоградова (ИБ РАН) со вступительным словом от организаторов. Она рассказала об истории чтений и высказала некоторые пожелания, касающиеся дальнейшей их работы, в частности, она предложила посвящать конференцию какой-нибудь одной научной проблеме, которая могла бы заинтересовать большинство участников.

С первым докладом «Посох Чанакья» выступил А. А. Вигасин (ИСАА МГУ). Он отметил, что в повествовании о ранней истории государства Маурьев «Чанакья-Чандрагупта-Катхае», главным героем является не сам родоначальник династии, а его советник — брахман Чанакья. Это связано с привычным для индийской традиции представлением о соотношении политической власти (*киапра*) и жречества (*брахма*). В древних текстах легендарный Чанакья

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

описывается как «гневливый брахман» — традиционный образ санскритской словесности. Важным атрибутом подобных персонажей является посох, который воспринимался как знак причастности к тайному знанию. Легенда не сообщает нам о том, как выглядел посох Чанакьи. Однако в «Натъяшастре», где описывается театральный реквизит, посох брахмана (*видушаки*) сравнивается с извивающейся змеей. Ассоциация посоха со змеей объясняет то, что и сам Чанакья уподоблялся змее. Докладчик коснулся также проблемы интерпретации имени Куатили, легендарного автора «Артхашастры», который в начале нашей эры мог отождествляться с Чанакьей. Существует мнение, что Каутилья — второе имя Чанакьи. Докладчик предположил, что это не имя собственное, а прозвище. Оно связано со словом *кутила*, или *кутилака*. Именно так назывался изогнутый посох брахмана (по-русски, клюка).

Доклад Н. А. Корнеевой (независимый исследователь) «Новый поворот традиции шраута: “Сагничит трисахасра атиратра сомаяга, 2024” в Западной Бенгалии» был посвящен обряду *сомаяга* (*somaṃyāga*), который проводится согласно древнейшей ведийской традиции ритуалов *шраута*. Докладчицу прежде всего интересовали изменения этой традиции, происходящие в наши дни. Она проанализировала сходные жертвоприношения, которые проводились в Махаращтре, Андхре и Керале начиная с 1975 г., и пришла к выводу, что произошло резкое увеличение аудитории, к которой апеллирует данный обряд. В древние времена ведийские ритуалы шраута проводились на частной территории или в брахманских поселениях *аграхарах* (*agrahāra*), где помимо выполняющих обряды участников могли присутствовать лишь приглашенные гости, однако в середине прошлого века ситуация изменилась. Эти изменения в основном связаны с финансированием, изменением роли *яджаманы* и целей жертвоприношения. Новый поворот традиции шраута докладчица видит в обряде «Сагничит трисахасра атиратра сомаяга», который проводился в 2024 г. в Западной Бенгалии. По ее мнению, одним из самых важных отличий этой *сомаяги* была образовательная цель данного жертвоприношения.

Т. В. Лучина (ИБ РАН) в докладе «Покаяние (*prāyaścitta*) и наказание (*daṇḍa*) в дхармасутрах» отметила, что говорить о древнеиндийском праве мы можем относительно условно, ведь в нашем распоряжении имеется только религиозная литература (прежде всего, дхармашастры), в которой собственно правовой материал дается вместе с описанием самых разных правил поведения (обрядов, приема пищи и т. д.). Докладчицей был поставлен вопрос о соотношении институтов покаяния (*prāyaścitta*) и наказания (*daṇḍa*), разделение которых прослеживается уже с самых ранних текстов о дхарме. Слово *prāyaścitta* изначально использовалось в ведийских текстах (брахманах) для обозначения исправлений ошибок в совершенном ритуале, позднее же, в дхармасутрах и шастрах, слово стало использоваться в значении покаяния, искупления. Покаяние подразумевало совершение различных аскез, дарений, а иногда и доведение до смерти. Все эти наказания присуждал наставник, а степень их суровости зависела от варны древнего индийца. Так, самые тяжелые аскезы полагались брахманам. Основное же значение слова *daṇḍa* — «палка, посох», а в литературе о *дхарме* и *артхе* это слово обозначает наказа-

ние, налагаемое, прежде всего, царем: это штрафы, телесные наказания, клеймение, смертная казнь.

Наличие двух институтов может привести к мысли о существовании религиозных и светских наказаний в Древней Индии. Однако при анализе текстов докладчица пришла к выводу, что, как и в любом древневосточном обществе, эти две категории наказаний не поддаются строгому разделению. Об этом, например, свидетельствует то, что смертной казни для нарушителя приписывается очистительная сила.

А. В. Молина (ИКВИА НИУ ВШЭ, ИМЛИ РАН) в докладе «Похищение и возвращение жен в древнеиндийском эпосе и параллели в древнегреческих сюжетах» показала, что похищение жены в индийских текстах описывается в тех же терминах, что брак типа *ракшаса* (*rākṣasa*), считавшийся законным и предполагавший сражение с семьей невесты, а затем ее увоз. В «Законах Ману» и других источниках брак *ракшаса* был предписан варне кшатриев. Функция кшатрия как защитника зависела от наличия у него силы (*vīrya*). Поэтому дхарма кшатрия разрешает и поощряет использование силы и жестокости в битве для получения желаемого, однако не допускает кражи чужого имущества без битвы. Те формы брака, которые предполагают дарение дочери отцом жениху, в некоторой степени противоречат дхарме кшатрия. В «Махабхарате» (*Mbh* 1. 96. 1–5; *MBh*, 1, 211, 21–23) два вида брака — *ракшаса* и *сваямвара* (*svayamvara*), основанный на соревновании и испытании, — упоминаются как лучшие для кшатриев, поскольку не предполагают принятия девушки в дар. Докладчица подробно рассказала об особенностях этих форм брака и сравнила их с описанием похищений невест в древнегреческих сюжетах. Она пришла к выводу, что, поскольку отсутствуют тексты периода формирования древнегреческого эпоса, которые в четкой форме выражали бы социальные нормы и обычаи, нельзя считать, что у греков были такие же представления о формах брака, как в древней Индии.

Н. В. Александрова (ИВ РАН, ИКВИА НИУ ВШЭ) в докладе «Сюжет “обращения братьев Кашьяпов” в “Сутре о благом явлении царевича”: неожиданные повороты» рассмотрела один из важных сюжетов буддийской агиографической литературы — обращение в буддизм братьев Кашьяпы, брахманов-подвижников, живущих в лесу Урувильва недалеко от места просветления Будды. Этот сюжет, присутствующий в целом ряде нарративов, обнаруживает вариативность и определенные тенденции в своих изменениях. Особое внимание докладчица уделила китайским переводам ранних сутр, поскольку они сохранили варианты агиографических повествований, которые содержались в утраченных для нас текстах на индийских языках. Она показала, что в «Сутре о благом явлении царевича» сюжет обращения Кашьяпов совершенно иначе стоит в схеме перемещений Будды в его странствиях после просветления, что дает новый взгляд на историю развития житийной литературы буддизма.

В докладе «Традиционные индийские классификации: образцовые, удобные, проблематичные» С. С. Тавастшерна (СПбГУ) отметил, что нет ни одной области знания, в которой бы индийцы не стремились классифицировать материал, и мы находим множество классификаций в научной и околонучной индийской литературе, главным образом древней. В текстах нет выработки

теоретической базы этих классификаций, системы понятий, лежащих в их основе. Однако иногда удачно составленные классификации дают более объемное представление о предмете, чем развернутое определение. В сообщении докладчик рассмотрел несколько классификаций, в основном взятых из древнеиндийского языкознания, которое в Индии считалось эталоном научного знания: 1) полный перечень синтаксических глагольных корней (*dhātupāṭha*), где представлено примерно 2300 корней; 2) знаменитую классификацию фонем санскрита, которая приписывается Катъяяне, составленную преимущественно на научных принципах; 3) классификацию четырех типов сложных слов (комполит) у Патанджали; 4) классификацию четырех типов женщин в «Камасутре» Ватсьяны, которая строится на тех же принципах, как и классификация комполит; 5) классификацию из области метрики, восходящей к Пингале (I–II вв. до н. э.).

Тему классификаций продолжила С. О. Цветкова (СПбГУ), выступившая с докладом «Индийские классификации: принципы различения поэтических украшений (*аланкар*)». Она рассказала о проблеме выделения смысловых поэтических украшений (*аланкар*) в качестве самостоятельных фигур и особенностях их классификации. В основе различения *аланкар* лежит сформулированный еще Бхамахой в его труде «Кавьяаланкара» принцип «непрямого высказывания» (*вакрукти*). Согласно ему, поэзия сама не может изложить свой предмет непосредственно, прямо. Поэтому используются специфические способы, дающие возможность непрямого выражения авторского замысла, который сам по себе — нечто невыразимое. Он может быть лишь уловлен, понят, и передать его можно лишь с помощью особых технических средств — *аланкар* («украшений»), или поэтических фигур. Позднее аланкаравадины (X–XI вв.) распространили этот принцип на все способы художественной выразительности в поэзии: он был определен как «красота» или «удивительность», что отличает поэзию от обыденной речи и другой словесности. Был создан канон поэтических украшений, впоследствии превратившийся в чрезвычайно разветвленную систему. При этом теоретически возможны выделения видов и разновидностей поэтических украшений бесконечны. Докладчица проиллюстрировала это на примерах определения трех *аланкар*, основанных на сравнении и похожих по структуре: *нидаршаны*, *дриштанты* и *артхантараньясы*. Скрытый поэтический замысел этих поэтических фигур можно понять только с помощью примеров из поэзии, т. е. на практике. Мало того, только эти примеры определяли место поэтических украшений в системе классификаций. По мнению докладчицы, в этом беда данной системы определения *аланкар* и вообще возможности их выделения среди других фигур.

Теории поэзии был также посвящен доклад Н. Р. Лидовой (ИМЛИ РАН, онлайн) «“Наука поэзии” (Кавьяшастра) в трудах ранних аланкариков». Она рассмотрела теоретические представления о поэзии, представленные в трудах ранних аланкариков — Бхамахи (VII в.) и Дандина (VIII в.), являющихся создателями нового научного жанра, который можно определить как *кавьяшастра* (наука о поэзии).

М. Д. Минаева (ИКВИА НИУ ВШЭ) в докладе «Ирония в пьесе Ватсараджи “Киратарджуния”» (XII в.) рассказала о применении редкого для санскритской

драмы литературного приема — иронии. Понятие «ирония» описывалось в античных поэтических и риторических трактатах, и окончательно представление о ней сформировалось в работах римского ритора Квинтилиана (I в.). В санскритской поэтической традиции ближайшая к иронии *аланкара* — *вьяджастути* (*vyājastuti*, букв. «ложная похвала») или просто *вьяджа* (*vyāja*, букв. «обман»). У некоторых древнеиндийских теоретиков ирония представлена как частный случай «поэзии скрытого смысла» *дхвани* (*dhvani*). Так в трактате «Дхваньялока» («Свет дхвани», IX в.) Анандавардханы есть примеры *дхвани*, по своей форме и теме очень напоминающие примеры *вьяджастути* из других поэтических трактатов. В пьесе «Киратарджуния» использование иронии обусловлено особенностями жанра *вьяйюга* (*vyāyuga*), предполагающего препирательство двух воинов-соперников. Отдельные случаи иронии легко распознаются с помощью соответствующих ремарок, а другие приходится выводить из контекста и содержания строфы или прозаического фрагмента, украшенного этим приемом. Используя наиболее наглядные примеры, докладчица показала, что в исследуемой пьесе иронии достаточно много, и дала описание ее основных видов.

В докладе «Принципы построения верениц древнеиндийских имен в “Вишнусахасранама” (“Махабхарата” XII.135)» М. Ю. Гасунс (независимый исследователь) показал, что «Вишнусахасранама» представляет собой яркий образец подвида гимнов-*стотр*¹, жанра «сто или тысяча имен божества». Она является важным источником для углубленного понимания древнеиндийской традиции наречения имен, однако прежде не переводилась ни в ленинградском, ни в ашхабадском изданиях русского перевода «Махабхараты». Принципы бытования эпитетов в гимне существенно отличаются от остальных образцов жанра имяславия в «Махабхарате», хотя большая часть имен встречается и за пределами «Анушасанапарвы» («Книги о наставлениях»), в которую входит исследуемый текст. Эпитеты в *стотре* часто описывают абстрактные качества и ипостаси первопринципа Вишну. Среди тысячи имен Вишну мы встречаем десятки повторов. Но в контексте рядом стоящих имен они всегда обретают оригинальное истолкование, что отчетливо видно из средневекового традиционного комментария Саяны. Особое внимание в докладе было уделено этимологии и мифологии, разным пластам толкования семантических «пучков» имен (выстраивая в ряд или, наоборот, создавая антонимические пары), созвучию и значимости особой очередности имен.

А. Г. Гурия (ИСАА МГУ) в докладе «Тема леса в поэтических антологиях Бхартрихари и Видьякары» показала, что в индийской культуре существовала оппозиция между лесом и дворцом / дворцовым парком. Если первый воспринимался как локус подвижничества и был связан с жизнью отшельников, то второй представлялся как мир мирских утех и соблазнов. Это были два полярных, противопоставленных друг другу мира, каждый со своим набором ценностей и интересов, получающим противоположную оценку в мире другом. Об особенностях таких представлений неоднократно рассказывала в своих выступлениях Юлия Марковна Алиханова и посвятила им прекрасную статью

¹ *Стотра* (*stotra*) — «хвалебная песня, гимн». Литературный жанр индийских религиозных текстов.

[Алиханова, 2008]. Докладчица подробно рассмотрела «лесную» тему у Бхартрихари (первая половина I тыс. н. э.) в сборнике «Шатака-траям» и показала, что за двумя противоположными топосами стоят две разные традиции — шраманская поэзия, в генезисе тесно связанная с буддийским каноном, и придворная поэзия. Тема леса также присутствует в сборнике Видьякары «Субхашита-ратна-коша» (XI в.), носящем преимущественно светский характер. У Видьякары докладчица нашла лишь следы старых мотивов, традиционно связанных с темой леса: образ подвижника, уход от мира как свобода от унижений и бедности. Однако она отметила периферийный статус этих тем по сравнению с сезонной и пейзажной лирикой и показала, что у Видьякары противопоставление леса и дворца / дворцового парка как места призрачного мирского счастья оказывается почти снято. Вероятной причиной этого докладчица считает прекращение реальной практики ухода в одинокое отшельничество в леса, замена ее жизнью в монастыре.

Особенностям перевода индийских текстов был посвящен доклад *М. В. Леонова* (независимый исследователь) «Микушевич как переводчик санскритской поэзии». Он рассказал о замечательном переводчике В. Б. Микушевиче (1936–2024) и о его работе по переводу фрагментов из «Рождения Кумары» Калидасы и «Гитаговинды» Джаядевы. Хотя эти переводы были сделаны по подстрочникам С. Д. Серебряного, но изучение особенностей санскритских стихов, их звучания и большой поэтический талант позволили Микушевичу создать прекрасные переводы. Докладчик проанализировал его подход к передаче особенностей санскритского текста средствами русского языка, а также рассмотрел достоинства и недостатки перевода поэтического произведения с подстрочника.

Исследование философии Индии была представлено на чтениях докладом *В. К. Шохина* (ИФ РАН) «Ведантийско-буддийский полемический диалог в «Брахмасутрабхашье» в контекстах компаративной философии и традиционной индийской культуры». Он был посвящен полемическому блоку основного труда основателя адвайта-веданты Шанкары (VII–VIII вв.) — комментария к «Брахма-сутрам», в котором излагаются и подвергаются критике буддийские школы (II.2. 18–32) после дискуссий с санкхьей, вайшешикой и перед критикой джайнской философии.

Конкретно представлена дескрипция и оценка дискуссии Шанкары со школой буддийского идеализма йогачары-виджнянавадой (II.2.28–30). Вначале выстраиваются буддийские аргументы в пользу учения о том, что существуют только функции сознания при отсутствии внешних для сознания объектов, а затем Шанкара их дезавуирует, апеллируя к здравому смыслу, а также к тому, что можно обозначить как закон достаточного основания, и обнаруживая внутренние противоречия у своих оппонентов. Доктрина виджнянавадинов разительно напоминает радикальную идеалистическую революцию Джорджа Беркли, а Шанкары — отчасти реабилитацию экстраментальных объектов у Канта, оппонента этой революции. Контексты же этой дискуссии складываются из изначально агональной индийской ментальности, полемического канона составления любого философского (и не только) средневекового комментария и ассоциаций с индийской драмой.

На чтениях традиционно выступают ученые с докладами, посвященными не только Индии и Тибету, но и другим регионам, входивших в круг научных интересов Ю. Н. Рериха. *Б. У. Кутин* (ИВ РАН) в докладе «Буддизм в Восточном Туркестане» рассказал об истории и особенностях буддизма в этом историческом регионе Центральной Азии. Он показал, что манихейство и буддизм имели значительное влияние в Уйгурском каганате, который в 745–840 гг. существовал на территории современной Монголии. После разгрома каганата киргизами в 840 г. уйгуры ушли в Восточный Туркестан: регионы Турфан, Куча, Ганьсу. Они стали воспринимать буддизм в его тохарском и согдийском вариантах, а также соприкоснулись с тибетской буддийской культурой. Одним из древнейших региональных буддийских центров было государство Гаочан. Известным буддийским центром был Хотан, имевший тесные связи с Кашмиром, источником буддийских текстов. Хотан стал торговым посредником между Китаем, Персией и Индией, отсюда буддизм распространился в Китай. Уйгурские правители также отправляли своих буддийских монахов ко двору династии Сун. По мнению докладчика, уйгуры сыграли важную роль в распространении буддизма в тангутском государстве Си Ся. Ко времени монгольских походов уйгуры сформировали свою собственную версию буддизма. Уйгурские монахи были первыми учителями буддизма среди монголоязычных народов, и прежде всего — среди ойратов, которые сохранили некоторые достижения своих духовных наставников.

Ю. И. Дробышев (ИВ РАН) в докладе «Угроза монгольских вторжений в Японию глазами Нитирэна» представил материалы, свидетельствующие о взглядах буддийского монаха и реформатора Нитирэна (1222–1282) на угрозу монгольского вторжения. Если японское общество XIII–XIV вв. относилось к монголам и к их невольным соратникам как к врагам, которым необходимо противостоять с оружием в руках, то Нитирэн увидел в монгольской опасности великую пользу для страны и народа, заслуженное наказание за приверженность Японии ложным учениям. Он рассматривал надвигающееся монгольское вторжение как зло, необходимое для удержания японского общества от греха «клеветы на Дхарму», пусть даже ценой гибели страны, которую он считал самой прекрасной на земле, но обреченной. По его мнению, монгольское нашествие было «подобно прижиганию, используемому для лечения болезней, или иглоукалыванию, которое исцеляет людей от хворей» [Stone, 2014].

А. А. Л. Солька (независимый исследователь, Лозанна) выступил с докладом «Кушанская этимология, поздние бактро-скифские царства и интересные элементы индо-парфянской нумизматики», посвященным исследованию монет и эпиграфических источников, содержащих сведения о кушанских и индо-бактрийских династиях. Он представил наскальные надписи из Кушана и рассмотрел графические и лексические различия между ними и другими текстами из того же географического региона. Докладчик также отметил специфику этого материала и рассказал о трудностях в установлении датировок и о его реальной хронологии.

Е. Г. Шалахов (ГБУ «Замок Шереметьева») в докладе «К проблеме происхождения варны кшатриев: культ воинской элиты в индоарийской традиции (по данным археологии и петроглифики)» проанализировал археологические

находки бронзового века, открытые на территории Северо-Восточной и Центральной Азии, иллюстрирующие существование в эпоху бронзы культа воинской элиты. Престижное древковое оружие, найденное в погребениях вождей азиатских кочевников рубежа III–II тыс. до н. э. и запечатленное в наскальном искусстве Монголии и Горного Алтая, снабжено элементами, подчеркивающими высокий социальный статус воинов-копейщиков. По мнению докладчика, здесь мы имеем дело с самыми ранними формами проявления кастового строя, уходящего корнями в древнейший пласт индоарийской традиции.

На Рериховских чтениях в этом году было непривычно много выступлений, посвященных теории искусства и искусствоведению.

В. В. Вертоградова (ИВ РАН) в докладе «Планиметрические модели тела человека в санскритских трактатах по искусству и в стенописи Аджанты» выделила некоторые особенности древнеиндийской теории живописи. В трактатах по живописи, в том числе в «Читрасутре» (первые века н. э.) [Вертоградова, 2014], описаны возможные позы и развороты (*стханы*) изображаемого тела. Учение о *стханах* несомненно связано с движениями танца и пантомимы, однако было разработано именно для изобразительного искусства и связано с необходимостью изображения многофигурных композиций на плоскости стены. В древности различали две *стханы* тела: непрямую, профильную, а позднее еще и третью — тыльную. Первоначально *стханы* служили для представления персонажей во фризовых композициях, которые были обращены к главному объекту, изображенному в центре (например, к фигуре царя). Если в архаических изображениях более значимый персонаж отличался своим большим размером, то с появлением представления о *стханах* все персонажи стали соразмерными, а их иерархия стала передаваться степенью разворота. Размещение персонажей должно было охватывать восемь частей света, а центральная фигура становилась девятой. Соответственно, в теории искусства появилось описание девяти *стхан*. При изображении круговой композиции на плоскости центральная фигура была представлена фронтально, а периферийные фигуры — с разной степенью разворотов. Изображения круговых композиций известны и в искусстве других древних культур (майя, древнеегипетской, византийской), однако именно в Древней Индии уже в первые века н. э. было создано цельное учение о способах изображения таких композиций, и ему посвящена отдельная глава в «Читрасутре». Это можно считать большим достижением индийской теории искусства. Докладчица проиллюстрировала теоретические положения этого учения на примере стенописи Аджанты и другого изобразительного материала.

Е. В. Тюлина (ИВ РАН) в докладе «Обряды “жизненного цикла” скульптуры по материалам пуран» показала, что в древнеиндийских и средневековых произведениях, посвященных художественному творчеству, прослеживается связь изобразительного искусства с культом предков. Так, в известном буддийском произведении «Читралакшана» появление живописи объясняется необходимостью создать образ умершего для его воскрешения. В трактатах, посвященных архитектуре и скульптуре, входящих в состав пуран (VI–XII вв.), мы встречаемся с представлением о том, что скульптурные изображения, подобно людям, рождаются и умирают. Для них совершают обряды, которые можно

условно назвать обрядами «жизненного цикла». В докладе было рассказано о ритуале освящения статуи, который, по представлениям индийцев, «оживлял» скульптуру. Тексты содержат также описание обрядов, служивших для прощания со статуями, которые с течением времени обветшали, получили разрушения, сделались неприглядными и поэтому подлежали уничтожению и замене. Если при «оживлении» статуи обряды служили для собирания воедино элементов, частей тела, органов и жизненных сил, то при прощании со статуей происходил обратный процесс — эти составные части как бы разбирались.

В докладе «О нарративной символике бронзовой фигурки танцующего Бала-Кришны» В. М. Немчинов (ИВ РАН) поднял проблему роли двухмерных и трехмерных иконографических изображений божеств в духовном и эстетическом коммуницировании в обществе. Оказываясь в живом пространстве социума, эти изображения канонизируются, что обеспечивает их мгновенную узнаваемость и принадлежность к конкретной исторической традиции. Высокий художественный уровень соответствия изображения канону осознается как ценность даже непосвященными зрителями, а для верующих и для посвященных в смыслы национального культурного наследия открыт эмоциональный диалог сопереживания, упования, уподобления, ламентации, мольбы и других сильных чувств. Если 2D изображения орнаментируют плоское пространство и создают иллюзию глубины, используя обратную перспективу, то 3D фигуры доступны круговому обзору, что приближает восприятие скульптурного изваяния к непосредственно осязаемому контакту. Именно с этих позиций докладчик рассмотрел фигурку танцующего с масляным шариком в руке Кришны, служащую воплощением детской озорной натуры, радости бытия и вечной молодости духа.

Ю. И. Елихина (Государственный Эрмитаж, СПбГУ) в докладе «Некоторые тхангка из коллекции Ю. Н. Рериха (Новые исследования)» отметила, что выдающийся востоковед Юрий Николаевич Рерих (1902–1960), начал собирать произведения тибетской живописи (тхангка) в 1923 г. во время экспедиции по Центральной Азии и продолжал заниматься этим всю жизнь. Докладчица рассказала о коллекции Ю. Н. Рериха, которая находится в разных местах: 26 тхангка были переданы в Государственный музей Востока, часть собрания находится в Музее Рерихов в Нью-Йорке, 44 тхангка хранятся в Эрмитаже, несколько произведений оказались в Музее Рерихов в Новосибирске, что-то осталось в Индии, и некоторые тхангка были проданы с аукциона в 2015 г. из квартиры Ю. Н. Рериха на Ленинском проспекте. В квартире на Ленинском проспекте имелось несколько изображений Будд: Сувикранта Джина, т. е. «Победитель очень совершенный покровитель», один из 35 Будд покаяния; Будда Учащий, одна из иконографических форм Будды Шакьямуни; Будда Майтрея; Будда Шакьямуни и шесть индийских учителей, изображение Шамбалы и ее царей. Еще две тхангка поступили в Новосибирский Музей Рерихов. На них изображены Будда Ратнападма, еще один из 35 Будд покаяния, и правитель Шамбалы, Манджушрикirti. Таким образом, в коллекции Ю. Н. Рериха были представлены разные буддийские образы. Докладчица показала, что некоторые из них использовал Н. К. Рерих при написании своих кар-

тин. Она предположила, что у Юрия Николаевича в коллекции имелась целая серия тхангка с образами Будд покаяния.

А. М. Пахомова (МГУ) в докладе «Феномен *jalacārin* в архитектуре храмов Карнатаки древних и средних веков» показала сложные аспекты индийской иконографии, сосредоточенной вокруг мифических существ, которые воплощают в себе смесь различных природных элементов, особенно связанных с водой (*jalacārin vyāla*). В докладе особое внимание было уделено изображениям *макары*. Используя индийские эпические тексты и пураны, докладчица показала символическую роль этих существ как олицетворение силы, защиты и плодородия и их значение для культурного и духовного наследия южноиндийского региона. Изображения *макары* в росписях Аджанты и архитектурных элементах храмов Карнатаки ею были рассмотрены не только как декоративные элементы, но и как носители сложных философских идей о гармонии и балансе вселенной.

Е. Г. Вырицков (ИВ РАН) в докладе «Культ корзины у гондов, джайнская икона *аяапатта* и буддийский алтарь: еще раз о смене религиозной парадигмы в Древней Индии» провел сравнительный анализ племенного гондского ритуала [Mallebrein, 1993], джайнского культового предмета *аяапатта* и буддийских алтарных композиций. Он пришел к выводу об их общем происхождении от древнего неведийского ритуала (комплекса ритуалов). В процессе смены религиозной парадигмы в Древней Индии произошло замещение в ритуале Богини-Корзины изображением сидящего тиртханкары или Будды. Прочие элементы ритуала подверглись категоризации и были замещены *мáнгалами*, «сокровищами» и иными «чудесными формо-образами». Впоследствии некоторые из них были заимствованы индуизмом и в качестве его элементов вошли в мировую массовую культуру.

В докладе «Морфология деревянной храмовой архитектуры Химачал-Прадеша (Индия)» Д. А. Рожнова (РГПУ) рассмотрела деревянную храмовую индуистскую архитектуру северного штата Индии Химачал-Прадеша. Первоначально архитектура Индии создавалась из дерева. Однако под влиянием различных факторов на большей части страны ее заменили каменные сооружения. В докладе было показано, что деревянная архитектура, сохранившаяся на севере Индии и в штате Керала на юге, имеет разительные отличия от каменной. До сих пор среди ученых нет единого мнения относительно происхождения данного феномена, что свидетельствует о сложности формирования индуистской архитектурной традиции Северной Индии. Докладчица выделила и описала характерные особенности деревянной архитектуры штата, отдельное внимание уделив проблеме классификации и стилистической специфике храмовых построек.

А. Г. Люлина (ИВ РАН) в докладе «Этимология и семантика цветообозначения “черный” в культуре Китая» последовательно рассмотрела четыре иероглифа с семантикой черной цвета, отражающие базовые понятия, которые использовались в китайских источниках для обозначения черного цвета: 黑、乌、玄、青. Помимо особенностей их употребления, докладчица затронула концептуальную составляющую представлений об элементе воды, который традиционно связан с черным, и рассказала о его месте в китайской космо-

нической теории (у-син). Отдельно ею был выделен цвет «цин» 青, который в этой системе соотносится все же с зеленым (или сине-зеленым) цветом, но в литературе употребляется и в значении черного цвета.

Роли древних верований и представлений о мире в современном искусстве был посвящен доклад *Ч. О. Санчай* (МГУ) «Синкретизм буддизма и шаманизма Тувы в живописи Шоя Чурука». Она рассказала о творчестве Ш. У. Чурука (р. 1967 г.), талантливейшего тувинского художника-живописца. Докладчица провела анализ его картин и показала, какие образы, восходящие к мировоззрению тувинцев, питают его искусство, какой зашифрованный смысл скрывается в его картинах.

Чтения завершились двумя докладами, сделанными на основе изучения архивных материалов и научного наследия Ю. Н. Рериха.

Д. А. Кораблин (ИВ РАН) в докладе «О письмах Ю. Н. Рериха из коллекции Д. Тарчина (Колумбийский университет, Нью-Йорк, США)» рассказал об архиве Дорже Тарчина — тибетца, известного не только как редактор и основатель одной из первых и наиболее заметных газет «Зеркало Тибета», выходившей с 1925 по 1963 г., но и как общественный деятель, отстаивавший независимость Тибета. Докладчик подробно остановился на пяти неисследованных и неопубликованных письмах Ю. Н. Рериха, написанных с 1942 по 1955 г. Их исследование позволяет уточнить некоторые подробности биографии Юрия Николаевича. Так, письма свидетельствуют о взаимодействии Ю. Н. Рериха с различными востоковедами и о его большом авторитете в их среде. Кроме того, письма подтверждают то, что между европейскими учеными и тибетским духовенством в это время происходило активное общение, и на основе этого диалога сформировалось космополитическое сообщество, обеспокоенное судьбой Тибета.

В докладе *А. М. Шустовой* (ИВ РАН) «Ю. Н. Рерих о происхождении монгольской письменности» были проанализированы работы Ю. Н. Рериха, посвященные истории развития монгольского языка. В них он подверг анализу тибетские и монгольские хроники, посвященные деятельности буддийского ученого Чойджи-одсера (1214). В частности, Юрий Николаевич установил год рождения Чойджи-одсера и подтвердил высказанное ранее мнение российского монголоведа Б. Я. Владимирцова и французского востоковеда П. Пеллиу о том, что этот ученый не создавал новое монгольское письмо. Тем не менее Чойджи-одсер проделал большую грамматическую и филологическую работу, переводя буддийские тексты на монгольский язык. Рерих считал его работу новаторской, а его вклад в развитие монгольского языка и монголо-тибетских культурных связей — значительным. Докладчица показала, что Рерих в своих трудах выделил этапы формирования монгольского литературного языка и отметил влияние на него работы по переводу тибетских буддийских текстов, он также проследил, как изменялся состав заимствованных тибетских слов в монгольском языке.

Всего на Рериховских чтениях выступили 27 докладчиков, представлявших разнообразные отрасли знания: филологию, историю, философию, искусствоведение, религиоведение. Как и в прошлые годы, тематика большинства докладов была связана с исследованиями Индии и Тибета. Однако ряд докла-

дов был посвящен и другим регионам, входящим в круг научных интересов Ю. Н. Рериха. Кроме того, в конце конференции прозвучали выступления, связанные с изучением архивных материалов, позволяющих добавить новые штрихи в картину жизни и научной деятельности Ю. Н. Рериха.

Список сокращений / Abbreviations

- ГБУ «Замок Шереметьева» — Государственное бюджетное учреждение культуры Республики Марий Эл «Замок Шереметева», п. Юрино, Россия (Monument of architecture of republican significance “Sheremetev Castle”, Mari El, Yurino, Russia).
- Эрмитаж — Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия (The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia).
- ИВ РАН — Институт востоковедения Российской академии наук, г. Москва, Россия (Institute of Oriental studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia).
- ИКВИА НИУ ВШЭ — Институт восточных и классических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия (Institute for Oriental and Classical Studies, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia).
- ИМЛИ РАН — Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия (A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia).
- ИСАА МГУ — Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия (Institute of Asian and African Countries, Moscow State University M. V. Lomonosov, Moscow, Russia).
- ИФ РАН — Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia).
- МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia).
- РГПУ — Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия (A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia).
- СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия (St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia).

Список литературы / References

1. Алиханова Ю. М. Образ ашрамы в древнеиндийской литературной традиции. Петербургский Рериховский сборник. Вып. V. СПб.: Изд. СПбГУ, 2002. С. 84–128 [Alikhanova Yu. M. The Image of the Ashram in the Ancient Indian Literary Tradition. *The Petersburg Roerich Collection*. Issue V. St. Petersburg: Izd. SPbGU, 2002, pp. 84–128 (in Russian)].
2. Вертоградова В. В. *Живопись древней Индии по «Читрасутре» из «Вишнудхармоттаранураны» — теория и технология*. М.: Наука; Восточная литература, 2014 [Vertogradova V. V. *Ancient Indian Painting According to the Citrasūtra from the Viṣṇudharmottarapurāṇa (Theory and Techniques)*. Moscow: Nauka; Vostochnaya literatura, 2014 (in Russian)].

CHRONICLE

Tyulina E. V. LXIV George Roerich Annual International Meeting
Orientalistica. 2025;8(2):340–353

3. Mallebrein C. *Die anderen Götter*. Köln: Rautenstrauch-Joest-Museum, 1993.
4. Stone J. I. The Atsuhara Affair: The Lotus Sutra, Persecution, and Religious Identity in the Early Nichiren Tradition. *Japanese Journal of Religious Studies*. 2014. Vol. 41. No. 1, pp. 176–177.

Информация об авторе

Тюлина Елена Валерьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела памятников письменности народов Востока Института востоковедения РАН, Москва, Россия, tyulina57@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1758-8990>.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 21.03.2025; принята к публикации 10.04.2025; опубликована 20.06.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Elena V. Tyulina — Ph. D. (Hist.), Senior Research Fellow at the Department of Oriental Written Sources, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, tyulina57@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1758-8990>.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 21.03.2025; accepted for publication 10.04.2025; published 20.06.2025.

The author has read and approved the final manuscript.